

класса PzIII и PzIV. Если бы две стороны сошлись в прямом столкновении, то исход битвы был бы определен в пользу Красной Армии но реальность была совсем иной.

Половина из всей техники СССР было уничтожено прямо на марше. Многие танки из-за технических поломок так и не смогли выехать за пределы части. Не правильная подготовка, неудачное построение боевых порядков, отсутствие связи и инициативы со стороны командования, недостаток обеспечения и прочие факторы сыграли на руку армии Германии. Преимущество немцев было в их полной укомплектованности и совместное сосредоточение. 30 июня принято считать днем окончания самого крупного танкового сражения в «треугольнике». Разгром был полный. Огромное количество машин было брошено на болотах, оврагах и дорогах их находят и до сих пор поисковики-любители.

Ничто не может, сравнится с ужасами и последствиями войн. Для решения боевых конфликтов нам помогают боевые машины. Техника, совершенствуется, по настоящее время, предлагая все более и более новые способы для нанесения ущерба, тем, кто посягнет на свободу наших соотечественников.

Источники и литература.

1. Фей В. Танковые сражения войск СС. – М., 1990.
2. http://pobeda.elar.ru/prohorovka/prohorovka_1.html
3. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F0%E0%E6%E5%ED%E8%E5_%EF%EE%E4_%CF%F0%EE%F5%E%F0%EE%E2%EA%EE%E9
4. <http://kackad.com/kackad/?p=16754>
5. <http://www.wartanks.ru/raznoe/krupneieshee-tankovoe-srajenie-vov.html>
6. <http://read24.ru/fb2/ilya-moschanskiy-krupneyshie-tankovyie-srajeniya-vtoroy-mirovoy-voynyi-analiticheskiy-obzor/>

Позиции белой эмиграции во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

А.А. Нагорняк, к.пед.н., доцент каф. ГОИЯ
Юргинский технологический институт (филиал)
Национального исследовательского Томского политехнического университета
652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26
E-mail: al537@rambler.ru

В настоящее время появилась возможность познакомиться с работами как отечественных, так и зарубежных историков, посвящённых участию белых эмигрантов в войне против Советского Союза. Ничего подобного история нашего Отечества не знала в предыдущих войнах, будь то война против наполеоновской Франции 1812 г. или война 1914-1918 гг., которую в России тогда называли Второй Отечественной войной. Исследователи делятся на тех, кто объясняет участие белых эмигрантов в войне, и тех, кто считает это позорной страницей отечественной истории. В любом случае, многим тысячам наших зарубежных соотечественников пришлось делать мучительный выбор.

За последние десятилетия среди российской общественности, в публицистике и в исторических исследованиях сложилось мнение, что подавляющее большинство белых эмигрантов после нападения фашистской Германии на Советский Союз оказались в стане Гитлера. Когда говорят о противниках такого выбора, то указывают лишь на отдельных авторов (А. Деникина, И. Бунина, С. Рахманинова и др.) да на некоторых участников движения Сопrotивления во Франции.

После возвращения незаслуженно забытых имён и событий большое внимание стало уделяться тем эмигрантам и организациям, которые последовательно вели активную борьбу со «сталинским режимом». А ведь именно из этой среды вышли те, кто в той или иной степени сотрудничал с фашистами в войне против СССР.

Вместе с тем ряд исследований российских и зарубежных авторов, анализ архивных документов и воспоминаний позволяют с уверенностью опровергнуть мнение, что русская белая эмиграция чуть ли не вся поддержала Гитлера.

Вопрос о выборе между СССР и Германией начал обсуждаться в эмигрантской среде прихода Гитлера к власти, когда появилось ощущение надвигающейся войны. Характерна в этом смысле дис-

куссия, возникшая в 1936 г. на страницах русской зарубежной прессы между военным историком А. Керсновским и генерал-майором М. Скородумовым. Говоря о проблеме участия белых офицеров в вооружённых конфликтах в различных странах, Керсновский восклицал: «Когда, наконец, мы поймём, что иностранные националисты - будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци и итальянские фашисты - такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?» На это генерал отвечал: «Пусть сперва подохнут все большевики, а потом при первом же случае мы поговорим и всё припомним иностранцам...»[1].

Надежды генерала Скородумова использовать Германию для освобождения России от гнёта большевизма выглядели достаточно наивно. Выдающийся русский философ И.А. Ильин в письме русскому писателю И.С. Шмелёву 10 октября 1938 г. писал: «Я покинул страну моего прежнего пребывания [Германию] совсем... Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только предателей и своих агентов»[1].

Скородумов, находясь во власти идеи беспощадной борьбы с большевиками как врагами России, не смог или не захотел понять то, что понял И. Ильин. В результате, в сентябре 1941 г. организатор только что созданного на оккупированной фашистами территории Югославии Русского охранного корпуса (РОК) генерал-майор Скородумов за «вольные речи» о возрождении национальной России был отстранён немцами от командования и арестован гестапо. После нескольких недель, проведённых в тюрьме, он до середины 1944 г. зарабатывал себе на пропитание сапожничьим делом в Белграде. Только когда поражение Германии стало неизбежным, немцы отказались от своих претензий к генералу, и тот записался рядовым в Русский охранный корпус, чтобы разделить судьбу тех, кого он привёл под чужие знамёна. Ведь в 1941 г. определённая часть военной эмиграции разделяла иллюзии Скородумова[1].

Большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им ещё придётся с оружием в руках бороться с большевиками. Понимая, что самим с советской властью им не справиться, и помня, как англичане и французы предали Белое движение в годы Гражданской войны, эмиграция строила планы в расчёте на «возрождающуюся» после Версаля Германию. При этом, как вспоминал один из эмигрантов, «мало кто вдавался в «подробности» и пытался разобраться в сущности гитлеризма и его реальных устремлениях».

Предупреждения идейного вдохновителя Русского общевоинского союза (РОВС) И. Ильина из-за его бегства из Германии, запрета швейцарских властей заниматься политической деятельностью и начала Второй мировой войны доходили далеко не до всех. Многие в РОВС даже не знали о том, что нацисты преследовали Ильина за «христианскую» точку зрения, отказ от участия в подготовке похода на Россию и антисемитских выступлениях, за решительный отказ поддержать идею независимости Украины» (из письма И. Шмелёву, 1938г.)[3].

Недооценка опасности немецкого фашизма в результате непонимания его глубинной сути, разочарование, утрата многолетних надежд на то, что западные демократии помогут белым в борьбе с большевизмом, подтолкнули на первых порах к сотрудничеству с гитлеровской Германией и таких русских патриотов, как И. Л. Солоневич. Он почти два года сотрудничал с пропагандистским аппаратом Геббельса и лишь в июле 1941 г., насмотревшись на фашизм в действии и убедившись, что Гитлер не только не собирается освобождать Россию от коммунизма, но готовит её фактическое уничтожение, заговорил о бессмысленности прямого участия русских эмигрантов в походе немцев на Восток. В результате - одномесячная «профилактика в гестапо» и ссылка в деревню в Померании до конца войны.

В одной из своих статей 1945 г. И. Ильин восклицал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением... Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом. Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?»[2].

Но часть эмиграции, хотя и меньшая, всё же сочувствовала. Ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что нельзя забывать - это были изгнанники, горячо любившие свою Родину и ненавидевшие поработителей России - большевиков. Эта ненависть мешала разграничить интересы Отечества и интересы политического режима, понять, что в 1941 г. речь шла не о судьбе советской власти, а о судьбе России. Конечно, линия Сталина в предвоенные годы, сместившая акценты в пропаганде с советского, социалистического патриотизма на общерусский, была эмиграцией замечена и думающей её частью осмысливалась. Ещё в декабре 1939 г. в отчёте Дирекции полиции болгарского города Шумена указывалось, что в среде русских эмигрантов «всё более укрепляется убеждение, что СССР национализировался и его режим ощутимо двинулся вправо, перестав быть большевистским».

Нападение Германии на Советский Союз, призыв Сталина к защите Родины, а не только социализма, объявление начавшейся войны войной Отечественной способствовали тому, что, как отмечается в документах службы безопасности марионеточного профашистского режима в Сербии, «среди русских усилились настроения в пользу Советов»[4]. А в отчёте руководства болгарской полиции подчёркивается, что «те из эмигрантов, кто ещё вчера были самыми большими противниками коммунизма, сегодня стали самыми заклятыми врагами Германии и в глубине души молят Бога за успех русского оружия». Вместе с тем результаты первых месяцев боев (Красная Армия стремительно отступала, солдаты и офицеры десятками тысяч без серьёзного сопротивления сдавались в плен, население оккупированных территорий в немалой своей части чуть ли не приветствовало немцев) мешали закрепиться вышеуказанным настроениям, давали аргументы тем, кто утверждал, что Германия несёт освобождение русскому народу.

Сколько же эмигрантов и их взрослых детей пошли в формируемые гитлеровцами «русские части»? Анализ разрозненных данных позволяет с определённой долей уверенности говорить, что речь идёт примерно о 30% способных носить оружие эмигрантов в возрасте от 18 до 60 лет, проживавших в оккупированных немцами или союзных им странах.

Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный к 12 сентября 1941 г. на территории Югославии. Успех мобилизации эмигрантов в РОК объяснялся прежде всего надеждой, подогреваемой его организатором генералом Скородумовым, что корпус двинется в освободительный поход и станет основой будущей русской национальной армии. Свою роль сыграло и увольнение марионеточным режимом генерала Недича всех русских эмигрантов с государственной службы. В некоторых исследованиях и в мемуарах утверждается, что через РОК прошло свыше 16 тыс. белых эмигрантов. Скорее всего, эта цифра завышена за счёт добровольцев из Молдавии, Буковины и советских военнопленных. По-видимому, можно говорить о 12-13 тыс. человек. До сентября 1944 г., т.е. в течение трёх лет, корпус нёс в основном сторожевую службу, охраняя железные и автомобильные дороги, склады и т.п., освобождая немецкие войска для боёв на Восточном фронте. Столкновения с партизанами Тито хотя и носили ожесточённый характер, но, как правило, были кратковременными и не масштабными. За три года РОК потерял 282 человека убитыми и 494 ранеными. Значительно больше было дезертиров (468) и уволенных по болезни и рапортам (1870). Сведений о массовых эпидемиях в корпусе в этот период нет. Очевидно, многие из указанных категорий корпусников переосмыслили происходящее и под различными предлогами или совсем без них покинули РОК. Ведь настроения, которые всё более охватывали русскую эмиграцию, не могли обойти и служивших в корпусе. О существовании таких настроений говорится в докладе директора Варненской областной полиции за февраль 1943 г.: «После Сталинграда русские во вверенной мне области всё более начинают отождествлять большевистские войска с русской армией»[4].

К сентябрю 1944 г., т.е. к моменту выхода Советской Армии к границам Югославии, число не желающих воевать на стороне немцев значительно возросло. В большинстве своём это были офицеры царской и белой армий, известные деятели эмиграции (князь Д. Мещерский, П. Павчинский, С. Чернорубашкин и др.). Многие из них вернулись домой в освобождённые Советской армией Югославию и Болгарию, полагая, что ни в чём не провинились перед Родиной, так как не участвовали в боях с советскими войсками.

Другая заметная группа эмигрантов (из казачества) находилась в составе так называемого «Казачьего стана», сформированного Красновым и Шкуро под контролем немцев. Часть из них побывала на Восточном фронте, однако в 1943 г. «Казачий стан» в полном составе был перебросен в Италию для несения охранной службы. Гитлер не хотел, чтобы русские части воевали на советско-германском фронте под лозунгом освобождения России от господства большевизма. У него в отношении нашей страны были совсем другие планы: речь шла не об освобождении, а об уничтожении России как самостоятельного государства. Поэтому и Русскому охранному корпусу, и «Казачьему стану» отводилась роль обыкновенных пособников немецких фашистов на оккупированных территориях европейских стран, несмотря на наивное желание эмигрантов, находясь на немецкой стороне, быть полезными Родине.

«Многие наивные русские эмигранты, - писал И. Ильин, - ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: враг моего врага - мой естественный единомышленник и союзник. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий» [3].

Иллюзии эмигрантов, ставших на путь сотрудничества с Гитлером, во многом объяснимы. В большинстве случаев это были офицеры-службисты, выпускники кадетских корпусов, станичники. Для них слово отцов-командиров значило очень много. А те - генералы Краснов, Шкуро, Абрамов, Вдовенко и другие - за долгие годы эмиграции «заигрались» в политику, запутались в связях с иностранными спецслужбами, в своих собственных амбициях и подтолкнули часть эмиграции к ошибочному шагу.

Основная часть эмигрантов, способных носить оружие, заняла позицию неучастия в войне (примерно 60%). Как подчёркивал И. Ильин, «есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения интереса моей родины и экономики её сил. В таких случаях показывается нейтралитет».

Безусловно, такая позиция означала отказ от поддержки воюющих сторон какими-либо действиями, но симпатии выражались по нарастающей только в отношении одной из них - Советского Союза. Как отмечалось в отчёте Дирекции полиции Болгарии за август 1943 г., это объяснялось во многом тем, что «эмигранты помнили о своём русском происхождении, русские радуются победам Красной Армии даже тогда, когда боятся большевизма».

Не записываться в Русский охранный корпус, не участвовать в прямых действиях, направленных против Советского Союза, призывал и видный деятель Русской православной зарубежной церкви, глава русских церковных приходов в Болгарии, человек подвижнической жизни архиепископ Серафим (Соболев). Многих прихожан удержал он от шагов, уводивших на путь коллаборационизма, пособничества врагам России. Эмигранты, не согласившиеся сотрудничать с немцами, в той или иной степени были, конечно, противниками советской власти, но в то же время и истинными патриотами своей Родины. Они проявили интерес к генералу Власову, к его «воззванию» от 6 февраля 1943 г. записываться в Русскую освободительную армию (РОА), чтобы свергнуть диктатуру Сталина. Однако активная работа немцев и их пособников в этом направлении результатов практически не дала - в Сербии отклик был очень слабый, в Болгарии призыву Власова поддались лишь единицы[1].

Небольшая часть эмиграции с началом Великой Отечественной войны включилась в движение Сопrotивления на стороне коммунистов. Это были прежде всего дети белых эмигрантов, выросшие в Югославии, Болгарии, Франции и других странах, попавшие под влияние левых идей. Но были среди них и идейные противники коммунистической идеи, вступавшие в коммунистические партизанские отряды в Югославии, Франции, подпольные организации в Болгарии, исходя из сугубо патриотических и антифашистских убеждений. К тому же коммунисты в оккупированной гитлеровцами Европе были наиболее боевой и массовой частью движения Сопrotивления. Не менее 100 человек из числа белых эмигрантов работали в странах Восточной Европы на советскую разведку (минимум столько же на разведки стран антигитлеровской коалиции), около 500 сражались в партизанских отрядах и подпольных группах в Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии, Бельгии, Италии. Отпрыск знаменитого аристократического рода, известный в последующем учёный-филолог Илья Голенищев-Кутузов воевал в партизанском отряде И. Тито, прошёл через гестапо и концентрационный лагерь.

В исторических исследованиях внимание уделяется и тем, кто принимал участие в борьбе с фашизмом в армиях Франции, Великобритании, США или в Сопrotивлении некоммунистического толка. Это заметная группа эмигрантов и их взрослых детей - до 10 % лиц призывного возраста. Только во французской армии сражались около 3000 человек. В боях в Северной Африке и Нормандии погибли свыше 250 эмигрантов. Есаул Войска Донского, замечательный поэт русского зарубежья Николай Туроверов, четырежды раненый на фронтах Гражданской войны, в годы Второй мировой был капитаном французской армии. Он героически сражался в Северной Африке, был тяжело ранен, награждён боевым французским орденом. Активным участником движения Сопrotивления в Париже стал командир 9-й Донской бригады генерал-майор Фёдор Марков, потерявший во время исхода Белой армии из России жену и четырёхлетнего сына. Таких примеров немало.

В целом русская эмиграция в годы Великой Отечественной войны сделала нравственный выбор. Нельзя было ожидать, что вся она, как один, вольётся в ряды коммунистического Сопrotивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, жизнь в изгнании. Но эмиграция в большинстве своём сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо любимой Родины. Как писал И. Ильин: «Гитлер пытался бороться и с коммунистами, и с русским народом». Большинство это поняли и не пошли за фашистской

Германией. Лишь меньшая часть эмиграции приняла её, говоря словами Ильина, за «друга и культурного освободителя» и «жестoko за это поплатилась. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты» [2].

Литература.

1. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 2006.
2. Ильин И. Curriculum vitae. 1925. VIII. // Российский архив. Т. V. М., 1994.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1, 2., М. 1998.
4. Решетников Л.П. К вопросу о позиции белой эмиграции во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Проблемы национальной стратегии. – 2010.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны

А.А. Нагорняк, к.пед.н., доцент каф. ГОИЯ
Юргинский технологический институт (филиал)
Национального исследовательского Томского политехнического университета
652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26
E-mail: al537@rambler.ru

Русская православная церковь всегда была в гуще событий и в трудные годы поддерживала свой народ.

1. Русская православная церковь накануне Великой Отечественной войны

После установления в России советской власти начался период религиозных гонений. Применялся метод репрессий. В одном только 1937 г. было закрыто более 8 тыс. храмов, арестам подвергли большую часть духовенства. Предлогом для закрытия храма мог послужить арест священника или кого-либо из членов приходского совета, любой другой предлог. Арестованным предъявляли самые нелепые, фантастические обвинения: в контрреволюционных заговорах, шпионаже, саботаже, терроре. Были расстреляны или погибли в лагерях выдающийся учёный, богослов и философ священник Павел Флоренский, профессор Московской духовной академии Иван Васильевич Попов, издатель «Религиозно-нравственной библиотеки» профессор Михаил Александрович Новосёлов и тысячи других священнослужителей и церковных деятелей. Накануне войны подавляющее большинство священников, которые остались в живых, находилось в тюрьмах, лагерях и ссылке.

К 1941 г. на коренных советских территориях оставалось немногим более сотни действующих православных храмов. В Церковь приходили главным образом пожилые женщины, но религиозная жизнь сохранялась и в этих условиях, она теплилась не только на воле, но и в бесчисленных лагерях.

В городе Сергиеве Посаде, носившем в советское время наименование – Загорск, были закрыты все монастыри и храмы. Но люди продолжали верить в заступничество преп. Сергия Радонежского. И когда к зиме 1941 г. враг оказался всего в сорока километрах от города, многие отказывались от эвакуации и тайно молились.

2. Церковь в первые дни войны

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г.

Церковь включилась в общее дело борьбы с фашизмом, во всеохватывающее патриотическое движение, развернула деятельность по сбору средств на нужды обороны страны. В июле 1941 г. на двери Владимирского Успенского собора висела телеграмма: «Благодарю верующих города Владимира, собравших средства на постройку танковой колонны. Председатель Комитета Обороны Иосиф Сталин». Только за первые три военных года 200 храмов Московской епархии собрали 12 миллионов рублей на нужды фронта. Всего взносы РПЦ в фонд обороны страны с 1941 г. по 1944 г. составили более 200 миллионов рублей.

Отношение властей к Церкви изменило свои формы. Если в июле-августе 1941 г. ещё нередки были аресты священнослужителей, то с осени они почти прекратились. Из тюрем и лагерей освободили десятки священнослужителей. К сентябрю 1943 г. были освобождены шесть архиепископов и пять епископов. Появились случаи восстановления закрытых храмов. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Журнал «Под знаменем марксизма», который до этого вел самую активную антирелигиозную пропаганду, начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат.